

Мариам ИГНАТЬЕВА

Сегодня исполнилось бы восемьдесят лет Эмилю Григорьевичу Гилельсу, "титану фортепиано, из тех, что рождаются раз в столетие", как написал о нем один из сотен восторженных рецензентов. Он ушел из жизни одиннадцать лет назад, но в доме пианиста не покидает ощущение, что здесь его до сих пор ждут, как будто дверь за ним не закрылась навеки.

С вдовой Эмиля Григорьевича Фаризет Александровной Гилельс мы сидим в его кабинете возле двух молчаливых роялей. На журнальном столе кипа альбомов с фотографиями, папки с бумагами и рукописи — беглые записи на отдельных листочках, стихи, дневниковые наброски.

— Это я писала, — говорит Фаризет Александровна. — Перебираю вот теперь эти бумажки и вспоминаю нашу жизнь. Нелегко привыкнуть к тому, что ты один. С годами чувство одиночества только обостряется. Может быть, потому в последнее время и вспоминается много печального. Кто знает, сколько мог бы прожить Гилельс, если бы его жизнь действительно была такой безоблачной, какой представляется многим. Нет, его путь вовсе не был усыпан розами. Порой ему приходилось трудно, очень трудно, он только вида не подавал.

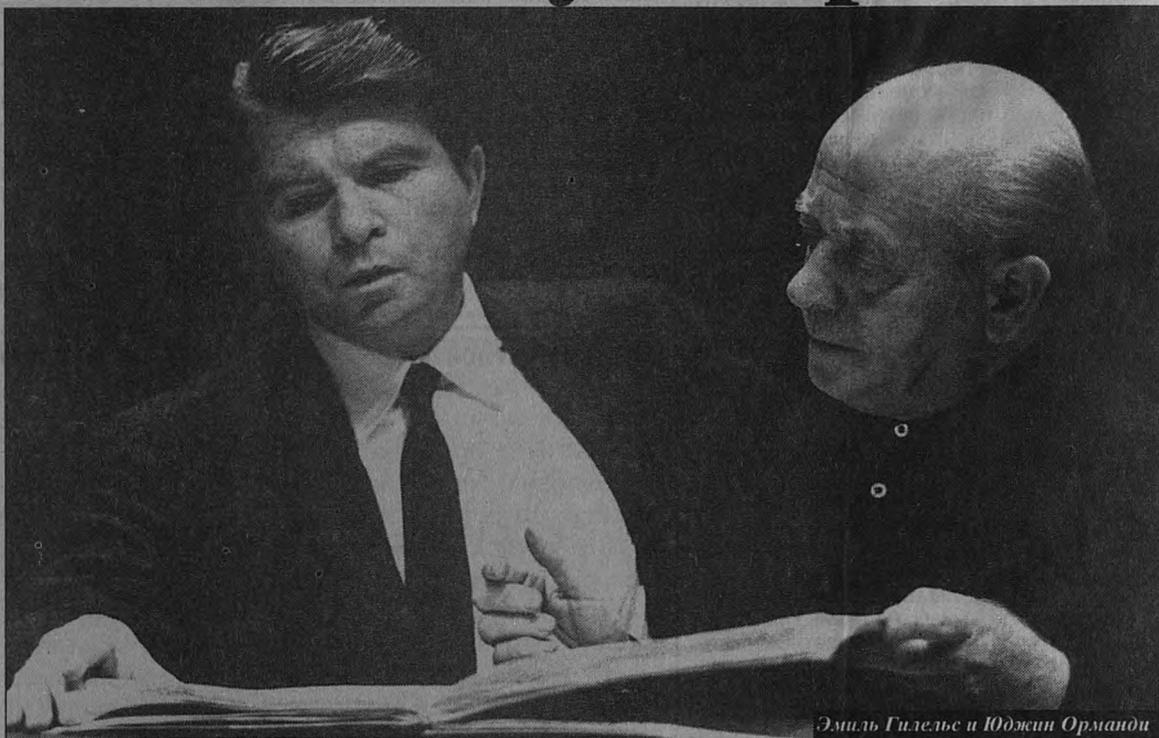
Долгое время она была лишена возможности сопровождать мужа, когда тот выезжал на гастроли: среди ее родственников числились "враги народа", да и вообще совместные поездки, как известно, не поощрялись. А когда запрет был, наконец, снят, в полной мере ощутила, что такое "быть под колпаком". Едва успевали пересечь границу, тут же начиналась слежка "в десять глаз". Куда бы ни пошел Гилельс, всюду его сопровождали "искусствоведы в штатском", даже клочки бумаги, им брошенные, иной раз извлекали из мусорной корзины. Как же он, натура, по его собственному признанию, резко динамичная, переносил все это?

Из дневника Фаризет Александровны: "Честность, твердость, независимость — убежище моего искусства", — говорил Миля. Он умел отторгать от себя все суетное, незаконное. Многолюдие утомляло его, и он искал уединения. И мы, его семья, жили в "укрепленном городе". Миля по возможности ограждал нас от неприятностей и забот, окружал радостями, исцелял добротой и юмором, умел переключать на веселый солнечный ряд. Он любил правду, но никогда не хвастался успехами. Шел своей дорогой. Занимался своим искусством. Его независимость оказалась той тяжелой ношей, от которой порой опускались руки, но укреплялись душевные силы...

Были запреты, отмены гастролей, записей, вызванные невежеством и "бдительностью" тех или иных чиновников. Они исчезали так же неожиданно, как появлялись, но успевали сделать свое дело. Иногда это было похоже на ампутиацию: готовилась программа, вынаши-

Тяжкий путь признания

Культура — 1996. — 19 июля. — С. 13

Эмиль Гилельс и Юджин Орманди

валась, оттачивалась, но искусственные препоны все это разрушали в один момент. Стойкость и мужество иногда, хоть и крайне редко, покидали его, и тогда воцарялось бездействие, страшное и опасное".

И все-таки он не сдавался! В дневнике Фаризет Александровна описала историю одной американской поездки, стоившей много сил и нервов.

"Гилельс сыграл с Филадельфийским оркестром под управлением Юджина Орманди Концерт Шопена. Исполнение произвело сенсацию, и он получил предложение записать пластинку. Переговоры-споры Москвы и Нью-Йорка (разумеется, этот "торг" не имел никакого отношения к музыке) растянулись на целую неделю. Все это время оркестр, несмотря на предельную загруженность, терпеливо ждал результата. Утром 31 декабря в Нью-Йорк, наконец, пришло разрешение на запись.

Она началась за несколько часов до наступления Нового года — другого времени не было. Юджин Орманди был потрясен героизмом Гилельса, его невероятной вы-

стоятельностью в игре пианиста. Вдохновение Гилельса передалось и оркестрантам, все было на подъеме. Когда прозвучали последние аккорды, оркестр устроил Гилельсу овацию, музыканты кричали, топтали ногами, некоторые даже плакали. А притихший и потрясенный Орманди до того растрогался, что на глазах у всего оркестра поцеловал Гилельсу руку, а потом, обернувшись ко мне, прочувствованно произнес: "Он гений, Фаризет, абсолютный гений!"

Представить себе только, что пять суток надо было

выждать, чтобы получить милостивое разрешение на рождение этого Чуда!"

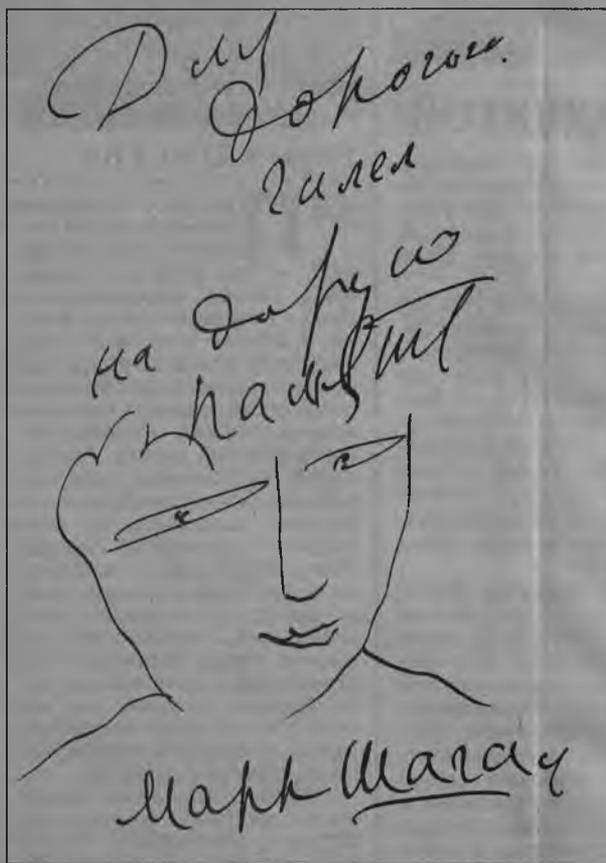
Но это далеко не самый долгий срок. Позволения записать концерты Бетховена, к примеру, пришлось ждать целых пять лет. А вот с получением заработной платы им валюты не тянули — принимали тут же. Однажды даже специально послали его на заработки — 90 дней держали за рубежом, точнее, "за Брестом..." "Меня продают, как икру и лососину", — мрачно остро по этому поводу Гилельс.

Утешением служила Музыка. И семья. Его бумаги подтверждают это. Календарный листок от 5 сентября 1948 года. Красным карандашом обведенная рамочкой пометка рукой Гилельса: "8 ч. 20 м. Родилась дочка. 2.700". Открытки, присланные Фаризет к дню рождения. Вот текст одной из них: "Моя дорогая, любимая, родная Ля-лечек! С днем рождения, поздравляю тебя! Будь здорова и счастлива. Для меня это все в жизни. Целую и обнимаю тебя! Твой Миля!"

Мне вспомнилось однажды сделанное им признание: "Я немного сентиментален. Но жизнь сложилась так, что меня таким не знают. Я казался несколько сухим и черствым, потому что стеснялся своих ощущений".

Наверное, таким он был только для посторонних...

...В кабинете все, как было при живом Гилельсе. На поллитре рояля — его очки, часы, карандаш, которым он делал пометки в нотах. Кажется, хозяин кабинета сейчас войдет, сядет за инструмент и положит руки на клавиатуру... Фаризет Александровна ставит на проигрыватель пластинку. Играет Гилельс.

Автограф Марка Шагала.

Из архива Ф. Гилельс. Публикуется впервые

держкой. И в который раз — его мастерством. Экстраординарные обстоятель-